

Искусство для архитектуры Москва

Советская монументальная мозаика
1925 – 1991

Джеймс Хилл
Анна Петрова
Евгения Куделина

При участии
Анны Брновицкой

DOM
publishers

Е. М. Аблин и другие. «Юные ленинцы», (1959)–1962.
Московский дворец пионеров и школьников на Ленинских горах. 033Н

Апофеоз накануне краха: мозаичное убранство ВСХВ и МГУ

По мере завершения работ на Центральной линии метро художники и мастера-исполнители перемещались на другие знаковые московские проекты: высотные здания, на которые «разделился» несостоявшийся Дворец Советов, и заново отстраиваемую после запуска Всесоюзную сельскохозяйственную выставку — будущую ВДНХ. Из семи построенных московских высоток мозаичного декора удостоилась только самая общественно важная — Главное здание МГУ. Безусловно, наиболее почетная задача досталась Павлу Корину: в торце актового зала, за колоннами, он исполнил декоративную композицию с золотым фоном, алыми стягами, атрибутами познания, горящим факелом просвещения

прямо под серпом и молотом, «вышитыми» золотом на центральном знамени, и протянувшийся от края до края картуш с датами — 1755–1953. Связывая год исполнения с пришедшей на царствование Елизаветы Петровны датой основания Московского университета, он объясняет барочную риторику, до сих пор задающую тон происходящим на ее фоне церемониям. Временно оттесненному с позиции первейшего монументалиста страны Александру Дейнеке было поручено исполнить в технике флорентийской мозаики 60 однотипных круглых медальонов с профильными портретами великих ученых всех времен и народов для размещения на фризе над колоннами в двух фойе актового зала. Для торцевой части фриза предназначались изображения великих из великих: Маркса и Энгельса в одном фойе, Ленина

и Сталина — в другом. Если бы не высокая сумма гонорара, такой заказ можно было бы расценить как унижительный, но Дейнека впоследствии отзывался об этой работе как об одной из самых серьезных и увлекательных — ему было интересно вместе с архитектором Львом Рудневым найти пропорции, позволяющие вписать в круги одного размера как профили коротко стриженных и бритых мужчин, так и Ломоносова в парике, и Леонардо да Винчи с его длинной бородой¹⁷. В оформлении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки мозаике отведена заметная, но при этом нетрадиционная роль. В интерьерах павильонов можно найти что угодно — фрески, лепнину, бронзовую и деревянную скульптуру и решетки, майолику, — но не мозаику, будь то смальтовую или флорентийскую. Зато снаружи самые символически значимые и притом

объемные элементы облицованы смальтой. Скульптуры над Главным входом, павильонами «Механизации» («Космос»), Украинской, Белорусской ССР, гербы и знамена над входом в Главный павильон сияли золотой смальтой. Самым необычным образом использована мозаика на павильоне «Строительные материалы» (архитекторы Г. И. Луцкий, Л. И. Лоповок, скульпторы М. Е. Ярославская, В. М. Соломонович, А. Н. Загарбынин, А. И. Народицкий). Видимо, чтобы подчеркнуть полупрозрачность куба, выполненного из блоков строительного стекла с обязывающим названием «сталинит», портал, помимо традиционного герба и знамен, изобилует пышными цветами, фруктами и овощами — вплоть до капусты, моркови и баклажанов, покрытых сияющей разноцветной смальтой. Но самые заметные мозаичные произведения на ВСХВ-ВДНХ — безусловно,

Ю. А. Дехто (В. Н. Аракелов, С. Л. Тер-Григорян (?)), «Ленин и большевики», 1960 (?). Локомотивное депо имени Ильича. 036В

Смутно узнаваемые биоморфные формы рифмуются друг с другом и вызывают мысль о единстве всего сущего, а заодно ассоциации с вышедшим на экраны в 1972 году фильмом Андрея Тарковского «Солярис». Казарянц работал в технике римской мозаики, то есть прямым набором, и использовал настолько мелкие кусочки смальты, что глаз их практически не различает, реагируя лишь на нежнейшие переливы цвета и мерцание поверхности. Откровенная же абстракция допускалась тогда только по совсем особым поводам — таким, как оформление здания СЭВ — Совета экономической взаимопомощи²⁰. В штаб-квартире международной организации, хоть и объединяющей только социалистические страны, нужно было продемонстрировать свободумыслие. Здание СЭВ — едва ли не лучшее произведение архитектуры модернизма в Москве, и его главный (по крайней мере, номинально) архитектор, Михаил Посохин, занимавший к тому же пост главного архитектора Москвы, не мог допустить, чтобы обязательный «синтез искусств» смазал впечатление. Наружную стену круглого конференц-зала покрыла мозаика из фактурных бетонных элементов и пластин флюорита — минерала с ярко выраженной кристаллической структурой, принимающего разнообразные оттенки от зеленого до фиолетового.

Выполнена она была венгерскими мастерами по эскизам Григория Опрышко — того самого, кто так убедительно славил благополучие белорусского и украинского народов на соответствующих станциях метро, а кроме того, создавшего недолго просуществовавший мозаичный портрет Сталина на станции «Арбатская» Арбатско-Покровской линии. В конференц-зале Совета экономической взаимопомощи он переменял стиль не хуже самих архитекторов — напомним, что Михаил Посохин и Ашот Мндоянц за 20 лет до здания СЭВ спроектировали одну из семи «сталинских высоток» — здание, стоящее неподалеку, на площади Восстания (теперь Кудринской). При некотором воображении на серой мозаике можно угледеть всполохи салюта или революционные взрывы — так объясняли самым твердым начальникам, но на самом деле, конечно, это абстрактная композиция. Для мозаики в интерьере, покрывающей целую стену ресторана и столовой, Посохин привлек Евгения Аблина, прославившегося как соавтор мозаик Дворца пионеров, и тот создал мозаику, никаких изобразительных ассоциаций вовсе не допускающую: энергичное пересечение секторов окружностей, очень фактурное, из необработанных кусков флюорита и мрамора, могло напомнить лишь о живописных экспериментах русского

Художник неизвестен, 1967. Фабрика «Свобода» (Косметическое объединение «Свобода»). 067А

авангарда. Тем не менее Аблин получил за эту работу диплом Московского союза художников за 1967 год. После этого Аблин смог выполнить беспредметную объемную композицию на фасаде и в интерьере торгового центра на площади Юности в Зеленограде (1970), и единственной сложностью, с которой ему пришлось столкнуться, был поиск достаточного количества блестящих осколков мрамора для мозаики высотой в три этажа. И в дальнейшем карьере Евгения Аблина складывалась очень неплохо, в 1978 году Посохин вновь вспомнил о нем и пригласил оформить мозаикой вышку для прыжков в олимпийском бассейне, а также создать мозаику в суперсовременном пространстве атриума Международного торгового центра, строившегося совместно с американскими партнерами. Другой архитектор, не такой влиятельный, как Посохин, но очень настойчивый и убедительный, Леонид Павлов, предпочитал работать с Элеонорой Жареновой и Владимиром Васильцовым. Помимо, увы, исчезнувших неизвестно куда мозаик футуристической Станции технического обслуживания автомобилей (СТОА) — станции техобслуживания автомобилей «Жигули» на Варшавском шоссе (1966–1977), эта супружеская пара создала знаменитое «ухо» на фасаде Центрального экономико-математичес-

кого института (1966–1978): работающие в здании математики наотрез отказываются признавать в этом мозаичном рельефе ленту Мебиуса, но как пластический акцент на разлинованном клеткой плоском фасаде он смотрится отлично. Другая совместная работа Павлова и Жареновой с Васильцовым — станция метро «Нагатинская», открывшаяся в 1983 году. По воспоминаниям художников, тему флорентийских мозаик — история Москвы — подсказала сама местность, где находились древние селения Нагатино, Нижние Котлы, Коломенское. «Здесь шли полки Дмитрия Донского на Куликово поле, здесь происходили соляные бунты крестьян и восстание Ивана Болотникова в 1606 году, здесь жили икусные ремесленники и народные мастера, в Коломенском был построен знаменитый своей красотой и затейливостью деревянный дворец²¹. Уже готовое предложение оказалось сложно согласовать — заказчик требовал «природную» или «химическую» тематику, но рисунки в теплых оттенках естественного камня оказались так же обаятельны и проникнуты такой же любовью к городу, как и слова художников, так что начальство в итоге сдалось: в начале 1980-х история была уже в моде. После этого легче пошли исторические темы и на других станциях: флорентийские

Модернизм

Советский модернизм, покончивший со сталинской неоклассикой, а заодно и с «архитектурой как искусством», принес новые идеалы: дешевизны, рационализма и доступности. Бетонные и кирпичные коробки теперь обретают индивидуальные черты во многом благодаря труду художников-монументалистов: сграффито, кирпичная кладка, мозаики оформляют торцы жилых домов и школ, интерьеры научных институтов. Эскизы многих мозаичных панно выполняются при этом мастера станковой живописи и графики, работавшие в то время в «суровом стиле». Новый идеал «советской Реформации» (Алексей Бобриков) с ее серьезными и ответственными героями воплощается в статных фигурах людей рабочих профессий. Вместе с тем эстетика хрущевской оттепели привносит легкую пластику, лирическое настроение и типично модернистскую палитру.

Рисунок мозаик часто превращается в абстракцию и решается в гамме из двух-трех цветов, разномасштабные фигуры персонажей совмещаются на одной плоскости, что свойственно книжной иллюстрации, между отдельными композициями порой пролегал почти скульптурный контур, а сам шов мозаичной кладки становится явным и широким. Именно в 1960-е в советской мозаике появляется натуральный камень и керамическая плитка, полы многих учреждений выкладываются фигурами из остатков мраморной облицовки. Распространение получают «простые» и «примитивные» жанры: портрет (чаще просто голова) и натюрморт. Одновременно с этим развивается ансамблевое мышление: пространство архитектуры — комплекс зданий из нескольких корпусов — вливается в ландшафт и получает единое художественное решение.

Е. М. Аблин. Панно на внутренней лестнице атриума Совинцентра (Центра международной торговли), 1980. 057E

Совет экономической взаимопомощи (Правительство Москвы), фасад конференц-зала, стена в интерьере

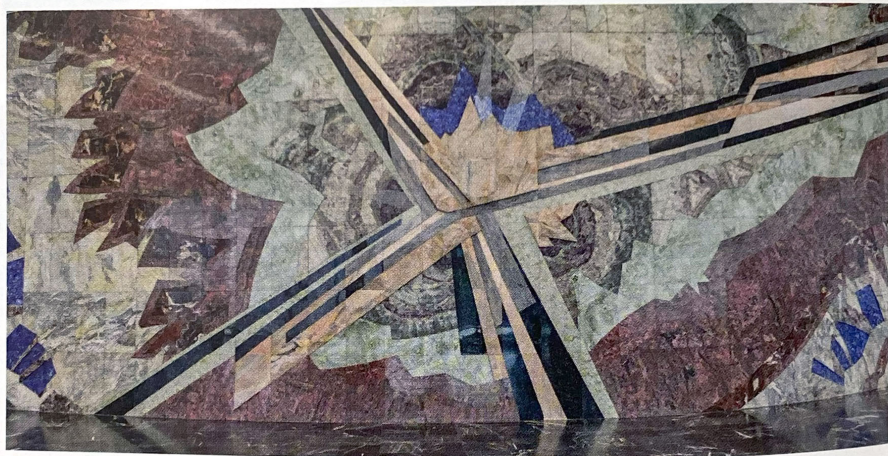
056 E

Опрышко Г. И.
«Богатство недр»
Новый Арбат улица, 36
1966–1967

Место для высотного комплекса секретариата Совета экономической взаимопомощи — организации, курирующей страны соцблока, — выбирал главный архитектор Москвы и проектировщик проспекта Калинина (Нового Арбата) Михаил Посохин. Он же возглавил команду архитекторов,

построивших на едином стилобате высотку-книжку администрации, куб гостиницы «Мир» и ротонду конференц-зала. Наружную абстрактную мозаику «Богатство недр» по эскизам Григория Опышко выкладывали из рельефных бетонных плит и натурального камня венгерские мастера. Похожий «салют», уже из мрамора, видимо, того же автора, украшает внутреннюю стену конференц-зала. Евгению Аблину также удалось при поддержке влиятельного Посохина утвердить минималистские эскизы для ресторана и столовой СЭВ в середине 1960-х, когда абстракция была фактически под запретом, а генсек ругал беспредметников «абстракцистами». Камень флюорит Аблин заготавливал в Таджикистане, лично выбирая оттенки редкой породы.

Совинцентр (Центр международной торговли), конгресс-центр, атриум

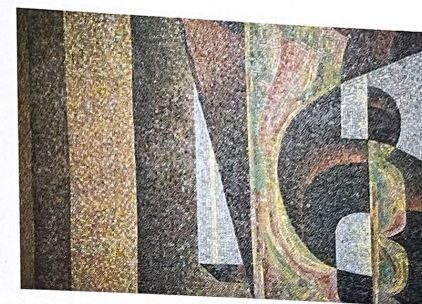
057 E

Краснопресненская набережная, 12

Аблин Е. М.
1980

Знаковое сооружение позднесоветского модернизма — Совинцентр — строилось при финансовом участии американского бизнесмена Арманда Хаммера для представительств зарубежных компаний. Архитекторы Михаил Посохин, Владимир Кубасов и Петр Скокан спроектировали оригинальный объем со ступенчатой стеной и интересным внутренним

пространством. Из атриума со знаменитыми деревянными часами с петухом можно подняться вверх по лестнице, стены которой оформлены мозаикой. Абстрактные композиции Евгения Аблина с ритмичным контрастным рисунком перекликаются с оригинальными светильниками и упираются на первом этаже в бассейн с фонтаном.

Спортивный комплекс
«Олимпийский»
Плавательный бассейн,
прыжковый сектор
Олимпийский проспект, 16/1

058 C

Вышка для прыжков в бассейне Спортивного комплекса, построенного архитекторами М. Посохиним, Б. Тхором и Л. Аранаускасом к Олимпиаде-80, была оформлена смальтой художником Евгением Аблиным. Текущие скульптурные формы и голубые тоновые переходы мозаичного набора превращают архитектурно-спортивный тренажер в гигантское подводное дерево. 1 января 2019 года спорткомплекс «Олимпийский» закрыли на реконструкцию. Бассейн был снесен вместе с вышкой для прыжков.

Аблин Е. М.
Вышка для прыжков.
Демонтировано
1980

Завод Автотракторного
электрооборудования
(АТЭ-1)

Электрозаводская улица, 21/41

059 A

Художник неизвестен
1965

Бетонный рельеф, выложенный мозаикой из натурального камня, органично входит в промышленную архитектуру, практически сливаясь с ней, но еще не переходя в чистую абстракцию. Именно такие работы чаще всего утрачиваются — их художественная ценность не признается ни владельцами недвижимости, ни культурной средой. Между тем это любопытный и редкий образчик скульптурно-архитектурного обобщения технического оборудования 1960-х.

Немецкая национальная библиотека внесла данное издание в Немецкую национальную библиографию; подробные библиографические данные см. в интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>

ISBN 978-3-86922-068-0 (английское издание)
ISBN 978-3-86922-079-6 (русское издание)

© 2022 by DOM publishers, Berlin
www.dom-publishers.com
www.dom-publishers.ru (РФ)

Все права на данное издание защищены. Любое использование фрагментов книги, нарушающее законы об авторском праве, не допускается без разрешения издательства и преследуется по закону. Это особенно касается копирования, перевода, создания микрофильмов, сохранения и обработки в электронных системах.

Идея и фотосъемка

Джеймс Хилл

Поиск объектов, атрибуция, составление

Евгения Куделина

**Составление, тексты к разделам
и объектам, общая редакция**

Анна Петрова

Вступительная статья и научная редакция

Анна Брновицкая

Ответственный редактор

Карина Димер

Дизайн

Игорь Сон

Корректор

Наталья Витько

Картография

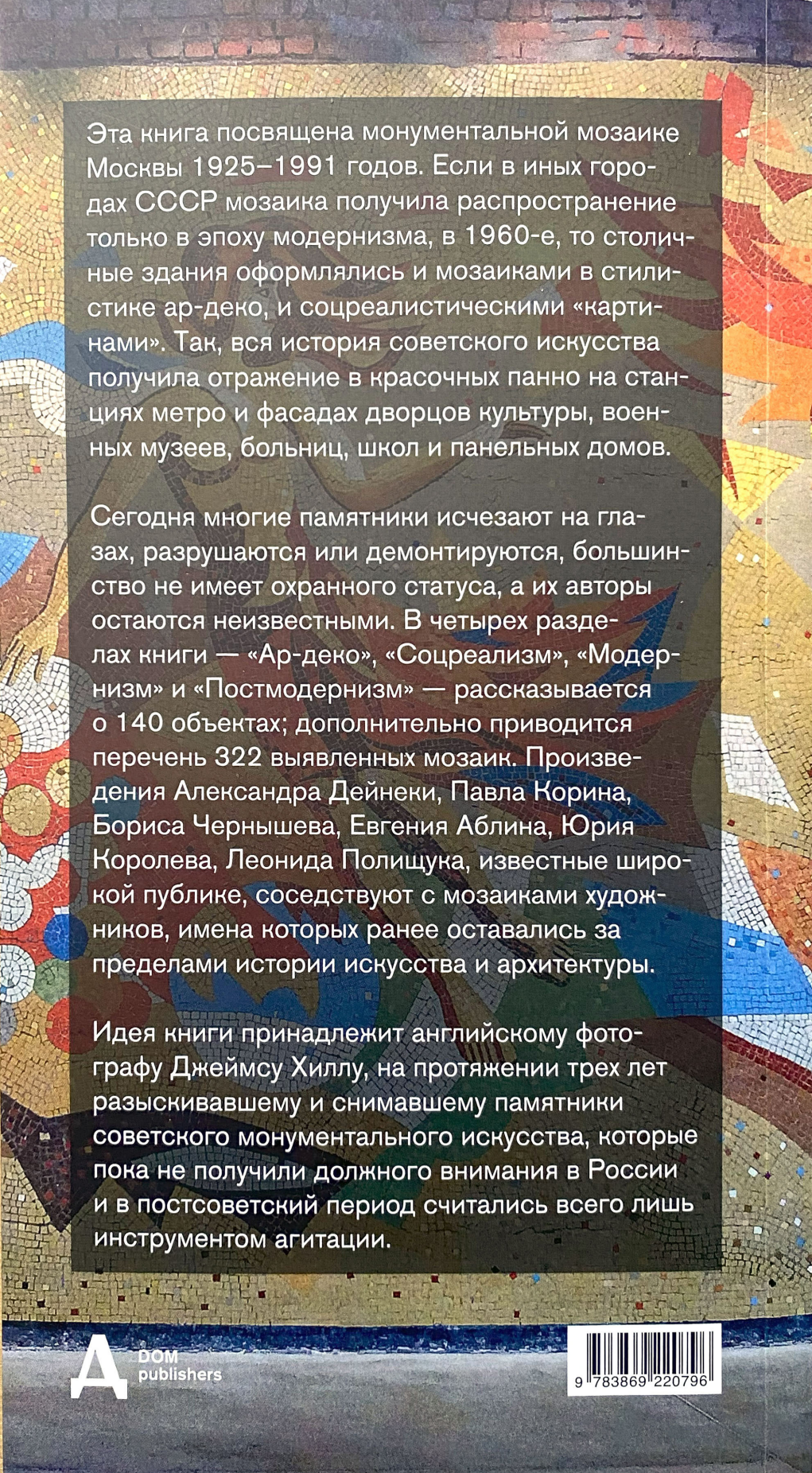
Катрин Сошински

QR-коды

Кристоф Гёсманн

Печать

ООО «ИПК Парето-Принт», Тверь
www.pareto-print.ru

Эта книга посвящена монументальной мозаике Москвы 1925–1991 годов. Если в иных городах СССР мозаика получила распространение только в эпоху модернизма, в 1960-е, то столичные здания оформлялись и мозаиками в стилистике ар-деко, и соцреалистическими «картинами». Так, вся история советского искусства получила отражение в красочных панно на станциях метро и фасадах дворцов культуры, военных музеев, больниц, школ и панельных домов.

Сегодня многие памятники исчезают на глазах, разрушаются или демонтируются, большинство не имеет охранного статуса, а их авторы остаются неизвестными. В четырех разделах книги — «Ар-деко», «Соцреализм», «Модернизм» и «Постмодернизм» — рассказывается о 140 объектах; дополнительно приводится перечень 322 выявленных мозаик. Произведения Александра Дейнеки, Павла Корина, Бориса Чернышева, Евгения Аблина, Юрия Королева, Леонида Полищука, известные широкой публике, соседствуют с мозаиками художников, имена которых ранее оставались за пределами истории искусства и архитектуры.

Идея книги принадлежит английскому фотографу Джеймсу Хиллу, на протяжении трех лет разыскивавшему и снимавшему памятники советского монументального искусства, которые пока не получили должного внимания в России и в постсоветский период считались всего лишь инструментом агитации.